

Г.А. Золотова

РОЛЬ ГРАММАТИКИ В КОМПОЗИЦИИ ТЕКСТА

Грамматика и композиция в сознании большинства современных филологов числятся по разным ведомствам. Так не воспринимало их поколение наших учителей, в ряду которых светлые имена Г.О.Винокура, В.В.Виноградова, Л.В.Щербы, Ю.Н.Тынянова, Б.В.Томашевского и др. Они были филологами-гуманитариями широкого кругозора, они изучали язык как воплощение духовных, культурных, эстетических потребностей человека.

Размышляя о развитии филологической науки, Г.О.Винокур подчеркивал “родство двух сестер”, науки о языке и науки о литературе. При естественных различиях в задачах и методах, он отмечал в них материальную общность объекта и общность гуманитарной устремленности.

В наше время, с его обострившимся интересом к говорящей личности, ее речевой деятельности, к тексту как произведению этой деятельности, на новом витке науки обращаются к опыту прошлого, к идеям наших учителей. Вопросами композиции занимались до сих пор больше литературоведы, лингвисты же почти не использовали своих возможностей исследований в этой области, и композиция текста, тем более художественного, – это проблема, которая остается далеко за пределами обычных грамматик.

Но коммуникативная трактовка грамматики как одной из областей филологии (а я буду говорить об опыте, реализованном в книге “Коммуникативная грамматика русского языка”)¹ открывает подступы к рассмотрению вопросов композиции текста, не исчерпывая, разумеется, ее литературоведческих и эстетических аспектов.

И лингвиста, и литературоведа интересует, как построен текст, коммуникативно-смысловое содержание которого выражено средствами языка. Занятия текстом во второй половине нашего века ориентировались в основном на описание техники связей между предложениями. Нельзя не признать, что и более плодотворными, и более трудными остаются поиски пути к смыслу текста как целого через воплощающие его языковые структуры.

Что находит на этом пути “Коммуникативная грамматика”?

Если композиция – это целое, создаваемое соотношением частей, то ключевой задачей становится, прежде всего, выявление этих

частей как речевых единиц, организующих целое. Могут ли быть обнаружены речевые единицы, общие для текстов различных видов общественно-речевой деятельности, различных видов жанрово-стилистических?

Эта задача — исследовать не только языковые, но и речевые единицы как типы, подлежащие систематизации, а также приемы и способы их объединения в целой словесной композиции — была сформулирована В.В.Виноградовым в работе 1930 года “О художественной прозе” и активно обсуждалась тогда в кругах, занимавшихся поэтикой, языком литературы. И действительно, в многообразии текстовых структур неизбежно обнаруживаются признаки сходств и различий, которые могут служить основанием для их типизации.

Традиционный набор композиционных понятий — комбинации сюжетных мотивов, фигуры, тропы, повторы, анафоры, спирали, рамки — это скорее приемы, но не сами единицы, составляющие целое. Единицы же формируются средствами языка, осуществляющими и композиционно-синтаксические и выразительно-эстетические текстовые функции. От множества текстов отвлечены сопоставляемые и противопоставляемые признаки, характеризующие любой текст:

1 — пространственно-временная позиция говорящего/перцептора (соприсутствие его в хронотопе события и сенсорное восприятие противопоставлено дистанцированности и ментальному восприятию);

2 — динамический или статический характер представляемой действительности, реальной либо виртуальной (сообщения о действиях, процессах противопоставлены сообщениям о качествах, отношениях);

3 — коммуникативные интенции говорящего (сообщение в широком смысле противостоит волеизъявлению и оценочной реакции).

Соотношение этих признаков позволило разграничить 5 коммуникативных типов (регистров) речи:

в р е п р о д у к т и в н о м регистре говорящий как бы из хронотопа происходящего сообщает о наблюдаемом, единичном, конкретно-референтном, актуальном;

в и н ф о р м а т и в н о м регистре говорящий, дистанцированный от происходящего, сообщает об известном ему или осмысляемом, узуальном;

в г е н е р и т и в н о м регистре говорящий формулирует (или цитирует) высказывания высшей ступени обобщения — афоризмы, сентенции, пословицы, общечеловеческие всевременные истины;

в в о л ю н т и в н о м регистре говорящий выражает побуждение адресата к действию, в том числе речевому;

в реактивном регистре – выражает оценочную реакцию на речевую ситуацию.

В последних двух регистрах, реализующихся обычно в диалоге, ведущим признаком служат коммуникативные интенции, но они совмещаются с остальными признаками, так что воспроизведение диалога, само по себе демонстрирующее репродуктивный регистр, образует как бы “текст в тексте”.

Модель того или иного отношения между говорящим и миром, воплощенная в понятии регистра, реализуется в конкретном тексте как его речевая единица (блок, фрагмент, к о м п о з и т и в). Разные виды соединения и чередования таких единиц – регулярные для одних текстов, индивидуально-неповторимые для других – и формируют структуру текста. Архитектоника текста обусловлена, таким образом, подвижностью позиции говорящего (наблюдателя, перцептора), “перемещением” его в текстовом времени и пространстве.

Язык сигнализирует эти перемещения, помимо лексических, дейктических, модальных показателей, главным образом видо-временными формами глаголов в четырех композиционно-синтаксических функциях (по В.В.Виноградову): это динамическая, движущая сюжет функция аористива и результативная, констатирующая или интерпретирующая результат происшедшего изменения, функция перфектива – для СВ, а для НСВ – имперфективно-длительная и качественно-описательная функции.

Текстово-значимы категориально-семантические свойства глаголов: акциональности/неакциональности, наблюдаемости/ненаблюдаемости – которыми предопределяются и тяготение глаголов к той или иной функции и участие их в повествовательном либо описательном подтипах репродуктивного и информативного регистров.

Для текстов оказывается релевантной не отнесенность времени действия к “моменту речи”, а соотнесенность, таксисная связь предикатов между собой по линиям времени, модальности и лица. Поскольку таксисные значения свойственно выражать не только предложениями, но и так называемыми полупредикативными конструкциями, они и способны служить минимальными носителями регистровых характеристик. Например:

Мартышка, в зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
“Смотри-ка”, – говорит – ...

Здесь три предиката к субъекту Мартышка (*увидя, толк и говорит*), при различиях оформления, выполняют аористивные, динамические

функции: называют последовательные действия героини, связывая их в репродуктивно-повествовательный фрагмент текста.

В другом примере: *Кстати, к этому времени через посольство в Москве удалось получить известие, что старушка умерла вскоре после разлуки с дочерью* (Л.Леонов) – три перфективных предикативных единицы информативного регистра, по-разному оформленных, представляют события в обратной последовательности: *после разлуки умерла, удалось получить известие*. Компонент к этому времени включает сказанное и в более широкий контекст событийного времени.

В предложении *Улица, обычно пустынная, была полна народу* находим полупредикативный обособленный адъективный оборот, сопоставляющий актуальный временной план основного предиката в репродуктивно-описательном регистре с узуальным временем и, соответственно, в информативно-описательном регистре.

Так соединение, монтаж регистровых единиц создают пространственно-временной объем текста и его внутреннюю динамику. Границы композитивов могут раздвигаться от одной предикативной единицы до нескольких и многих, регистрово однородных, но каждый воплощает звено текстового времени.

Композиционная роль регистровых чередований еще более очевидна, когда они позволяют наблюдать последовательное перемещение позиции автора (говорящего) по ступеням абстракции.

Известный пример – начало “Анны Карениной” Л.Толстого. Роман начинается с сентенции: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*, представляющей генеритивный регистр. Во втором абзаце *Все смешалось в доме Облонских...* автор “спускается” в предсюжетную атмосферу этого дома, где рухнуло семейное благополучие, описывает настроение семьи и домочадцев; перфективные и имперфективные глаголы второго абзаца создают информативную интродукцию. Аористивные глаголы третьего абзаца сигнализируют, что двинулось развитие одной из сюжетных линий в репродуктивно-повествовательном, с описательными прослойками, регистре; конкретный персонаж предстает в конкретном хронотопе, в наблюдаемых действиях: *На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский <...>проснулся<...> в своем кабинете, на сафьянном диване. Он повернул свое полное, выхоленное тело на пружинах дивана<...> но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза.*

Первый акциональный глагол НСВ с аористивной функцией в большинстве повествовательных текстов, после экспозиции или без

нее, служит сигналом начала движения сюжета, а в текстах малых жанров – и завязки.

Можно наблюдать и противоположное движение авторской позиции – от конкретного к абстрактному. Вот фрагмент из повести Л.Толстого “Казачи”:

– Мне и грустно, и рад я, что еду, – продолжал он (Дмитрий Оленин). – Отчего грустно? Я не знаю.

И отъезжающий стал говорить об одном себе, не замечая того, что другим не было это так интересно, как ему. Человек никогда не бывает таким эгоистом, как в минуту душевного восторга. Ему кажется, что нет на свете в эту минуту ничего прекраснее и интереснее его самого.

Здесь слова персонажа, оформленные как прямая речь, и сопровождающий ее авторский глагол речи представляют репродуктивно-повествовательный регистр. Но в самом высказывании Оленина репродуктивное сообщение о своем состоянии сменяется попыткой самоанализа – в информативном регистре (“текст в тексте”). Первое предложение следующего абзаца, суммируя продолжение диалога, переводит его в информативный регистр. В двух следующих предложениях авторский комментарий поднимается до обобщения общечеловеческих свойств – в генеритивном регистре.

Сравним примеры из Чехова:

Липа спустилась по дороге и, не доходя до поселка, села у маленького пруда <...> У самого пруда в кустах <...> заливались соловьи <...> Чьи-то года считала кукушка. <...> В пруде сердито, надрываясь, перекликались лягушки <...> Казалось, что все эти твари кричали и пели нарочно, чтобы никто не спал в этот весенний вечер, чтобы все, даже сердитые лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: ведь жизнь дается только один раз! (“В овраге”).

В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали <...> Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства (“Дама с собачкой”).

В этих фрагментах репродуктивное повествование о действиях персонажей сменяется репродуктивным описанием природы, среды,

ими воспринимаемой, затем размышлениями о наблюдаемом в информативном регистре, приводящими к генеритивным обобщениям.

Подобные ступени проходит и лирический герой в излюбленной композиционной модели стихотворений Ф.Тютчева: сенсорно воспринимаемое, воспроизводимое средствами репродуктивного регистра природное явление, пейзаж, событие дают повод размышлению в информативном регистре, завершающемуся генеритивной философической сентенцией. Один из возможных примеров:

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.
На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в полной темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мечте.
Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!
О нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Но в чьем сознании происходит это движение мысли по ступеням абстракции? Очевидны различия. В примерах из Л.Толстого повествователь от себя, со стороны комментирует происходящее. В чеховских фрагментах рассказчик смотрит на мир как бы глазами своих героев, пытаюсь воссоздать их восприятие, настроение. Впрочем, нередко авторские обобщения представляются слишком умственными для его персонажей, и пограничное между субъектными сферами словцо *казалось* возбуждает вопрос *кому?* – на слияние или разделение автора и героя оно должно указывать?

В тютчевском стихотворении приглашение к совместному видению в начале и риторический вопрос в заключении задают еще и образ собеседника, единомышленника.

Проблема соотношения, смены субъектных сфер – говорящего–персонажа–адресата, – взаимодействия точек зрения – необходимый этап анализа композиции текста. Наблюдения в этой области поведут к открытиям и индивидуально-авторских приемов, и общеязыковых закономерностей, возможностей языковых форм и категорий.

В “Коммуникативной грамматике” рассмотрены примеры текстов, в которых композиционным стержнем оказываются оппозиции грамматические, структурно-смысловые, с их экспрессивно-комму-

никативными потенциями (противопоставление временных планов, реальной/ирреальной модальности, действия/состояния, эксклюзивности/инклюзивности речевого субъекта и др.). Грамматическая форма как материал искусства, – говорил Г.О.Винокур, – “означает сразу и то, что она обозначает обычно, и то, что за этим обычным значением раскрывается как художественное содержание данной формы”.

Многообразие синтаксических моделей и конструкций русского языка может привлечь внимание исследователей не только особенностями их строения, но и предназначенностью к определенному служению тексту. Например, известные грамматические модели функционируют в качестве способов выражения такого важного сюжетно-композиционного элемента, как конфликтная ситуация. Вот некоторые виды этих ситуаций:

1. Конфликт внутриличностный: между целеполаганием, необходимостью, долгом – и неспособностью, нерасположенностью субъекта к его исполнению. Этот конфликт выражается сопоставлением моделей волюнтивных и инволюнтивных (личных–безличных, по традиционной терминологии, абсурдно именующей *безличным* состояние именно лица): *Писатель приготовился думать. Не думалось* (А.Кнышев); *Внутри все ясно и вокруг – Но не поется* (А.Вознесенский); *Не щипите, гуси серые! / Не сама я залетела к вам, / Не своею я волею, / Занесло меня погодою* (Фольклор).

2. Конфликт межличностный: между субъектом авторской эмпатии и другими, между своими интересами и чужими, чуждыми. Отчужденность, недоброжелательность неназванного агенса действия часто выражается так называемыми неопределенно-личными предложениями:

Из страха, как бы ее не рассчитали и не услали домой, она роняла и часто била посуду, и у нее вычитали из жалованья (Чехов). *Анисья <...> рассказывала Лене: “Все перешивыряли, все унесли. К Марфуте даже не сунулись, а у меня все взяли, козу свели на веревочке”* (Л.Петрушевская). Композиционная значимость противопоставления разных субъектных сфер ярче выявляется через оценочную экспрессию неопределенно-личных предложений.

3. Конфликт между субъектом действий, целеполагания и неизбежной силой обстоятельств, сводящих на нет намерения и усилия. Выражается сопоставлением динамичных аористивных предикатов и результативно-перфективных:

Хвост вытащил – нос увяз, нос вытащил – хвост увяз (Фольклор). *Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет, / До половины не дойдет – / Провалится и в воду упадет* (Крылов).

Таким образом, коммуникативный анализ языковых средств в речевом процессе, в структуре текста находит ответ не только на вопрос, как они построены, но и на вопрос, для чего они языку и конкретному тексту.

Известный польский славист проф. А.Богуславский утверждал, что главным для исследования текста является “не то, что автор говорит, но то, как он это говорит, то есть как высказывание составлено и каких эффектов, благодаря применяемым средствам, автор хочет достичь” (цит. по: Янус Э. Обзор польских работ по структуре текста // Синтаксис текста. М. 1979, с.326).

Сказанное выше позволяет переформулировать постановку задачи у А.Богуславского. Вряд ли целесообразно устанавливать между **что** говорит автор и **как** говорит отношения противительные, поскольку эти отношения взаимообусловлены.

Задача изучения текста, вероятнее, в том, чтобы выяснить, **как** говорит автор **то, что** он говорит, потому что **как** не может рассматриваться в отвлечении от того, **высказывание – о чем?, эффект – ради чего? и средства – чего? и для чего?**

В изучении текста грамматика, лексика, семантика взаимно укрепляют, обогащают и корректируют друг друга. В содержании текста связаны воедино мир, мысль и язык.

Грамматика и композиция текста оказываются взаимно необходимыми частями филологического познания.

В своем “Введении в изучение филологических наук” Г.О.Винокур писал, что наблюдающееся в научной практике движение в пользу тесного сотрудничества между наукой о языке и наукой о литературе “и признание высокой полезности для каждой из двух наук постоянного взаимного обмена материалом и выводами нельзя не признать движением высоко разумным”.

“Вот об этих-то, собственно филологических задачах обеих наук, служению которым я посвящаю свои силы, мне и хочется напомнить предлагаемым трудом”. Эти слова Григорий Осипович сказал на защите своей докторской диссертации о языке Пушкина.

О трудах и идеях наших учителей, о вкладе Г.О.Винокура в так понимаемую филологию я хотела напомнить и показать некоторые возможности продолжения этого пути.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. 1998.